

М. В. Шумилин
(РАНХиГС / ИМЛИ РАН)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА «СТРАСТЕЙ СВ. СУСАННЫ» (BHL 7937). ПАДЕЖ И РОД

В статье продолжается исследование «Страстей св. Сусанны» (*Passio S. Susannae*, BHL 7937) как текста V–VI вв., написанного с многочисленными отклонениями от классического языка. Разбираются встречающиеся в рукописях «неклассические» черты языка, связанные с употреблением падежей и с категорией рода: употребление предложных конструкций на месте ожидаемых форм косвенных падежей без предлогов, генерализация аккузатива, употребление номинатива в значении аккузатива, «неклассический» род существительных, употребление прилагательных мужского рода при согласовании с местоимениями среднего рода, «неклассические» употребления родовых форм относительного местоимения.

Ключевые слова: Страсти св. Сусанны, поздняя латынь, «нормализация», падеж, род, романские языки

M. V. Shumilin
(RANEPА / A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences)

Linguistic peculiarities in the *Passio Susannae* (BHL 7937). Case and gender

The article continues the study of the *Passio S. Susannae* (BHL 7937) as a text of the 5th or 6th cent. AD that was originally composed in a language characterized by many as departing from Classical Latin. The ‘non-classical’ linguistic features connected with the categories of case and gender that can be indentified in the manuscripts of the *Passio S. Susannae* are taken into account: the use of prepositional constructions in place of the expected oblique cases without prepositions; the generalization of the accusative; the use of the nominative in place of the accusative; ‘non-classical’ noun gender; the use of masculine as a default gender with non-classical controllers; ‘non-classical’ use of gender forms of the relative pronoun. It is suggested that most ‘non-classical’ features connected with case and gender that are found in the manuscripts belong to the original text of the *Passio*, since in these aspects ‘barbarization’ does not seem to have been characteristic of early medieval scribes. It is concluded that in most respects the text is similar to other 6th cent. texts which are characterized by many ‘non-classical’ features like the *Anonymus Valesianus II*. One feature that seems to be unparalleled in Late Latin but

apparently reliably attested in the manuscripts of the text and plausible from the point of view of later Romance development is the use of masculine as a default gender with non-classical controllers (in particular, with neuter pronouns without antecedent nouns).

Keywords: *Passio Susannae*, Late Latin, ‘normalization’, case, gender, Romance languages

Настоящая статья продолжает рассмотрение языковых особенностей «Страстей св. Сусанны» (BHL 7937, далее PSus), латинского памятника V–VI вв., начатое в статье Shumilin 2020a¹. Речь пойдет о неклассических чертах, касающихся употребления падежей (раздел 1), родов существительных и употребления родовых форм изменяющихся по родам частей речи (раздел 2).

В предшествующей статье я обосновывал, преимущественно в связи с орфографией, тезис о том, что язык PSus изначально значительно отстает от классической нормы и текст этого памятника следует восстанавливать соответствующим образом (Shumilin 2020a: 636–647; ср. также: Shumilin 2020b: 58–67). Сформулированные мной в предшествующей статье правила по поводу того, какие из рукописных чтений следует принимать в текст в зависимости от их зафиксированности в рукописной традиции, правдоподобия «аномалии» для времени создания памятника и правдоподобия вторичного

¹ В описании фонологии и орфографии PSus в этой статье я допустил несколько пропусков; следует дополнить раздел 8.1 (с. 655) примером PSus 28 (*C*¹) *introibit* вместо *introiuit* и второй абзац раздела 8.7 (с. 658, только для <g> на месте классического /c/) примером PSus 26 (*W*) *altergationem*. Несколько неточностей было допущено также в описании взятой для сопоставления рукописи Августина MSAug. На с. 641 речь должна идти об 11, а не 10 примерах позднеантичного смещения <e> с <i> и <o> с <u> по определенным правилам на рассматриваемом отрезке этой рукописи; в разделе 7.2 на с. 648 речь должна идти о двух примерах из MSAug (fol. 10v *acciperimus* и fol. 15v *uirorum* вместо *uicorum*); в разделе 7.5 на с. 649–650 следует упомянуть об одном примере из MSAug, который, видимо, следует объяснить мервингским происхождением рукописи (fol. 8v *emitte* вместо *emitti*); в разделе 7.12 на с. 651 к примерам из MSAug следует добавить fol. 9v *luci* вместо *lucī*, который, как и прочие, следует скорее объяснять смещением слов, чем фонологией; в разделе 7.15 вместо 4 примеров гиперкорректного <ae> в MSAug должна идти речь о 7 (следует добавить еще 2 примера в окончаниях наречий, fol. 5r *sempiternae* и fol. 15v *perfectae*, плюс пример fol. 9r *atquae*).

возникновения «аномалии» либо «нормализующего» исправления для каролингской эпохи (Shumilin 2020a: 646–647), остаются в целом релевантными, однако требуют поправки на изменение некоторых из учитываемых условий. В частности, хотя языковые «аномалии», касающиеся синтаксиса падежей, рода существительных и употребления родовых форм, остаются актуальными для некоторых раннесредневековых текстов (см. ниже разделы 1.2, 1.3, 2.1, 2.3), введение новых «аномалий» в этой области писцами — похоже, значительно более ограничено фиксируемое явление, чем введение новых орфографических «аномалий» (ср.: Coleman 1999: 346); по-видимому, по сути дела в рукописях доминирует только одно направление изменения в парах классический vs неклассический вариант в случае этих явлений, а именно «нормализация». В предшествующей статье я сопоставлял текст PSus, каким он предстает в рукописях, а также схожий по объему и по «аномальности» языка (и близкий по времени и месту создания) текст «Второго анонима Вalezия» (далее AV2) с отрезком соответствующего объема из меровингской рукописи Августина начала VIII в. (я обозначил ее сокращением MSAug); я предположил, что в ней перед нами должен быть образец того, до какой степени в рамках меровингской традиции доходит языковая «аномализация» изначально написанного классическим языком текста к моменту, предшествующему началу каролингской «нормализации». В том, что касалось орфографии, уровень «аномализации» текста MSAug оказался несколько ниже, чем в по-видимому изначально значительно «аномализованных» текстах PSus и AV2, но при этом все равно достаточно высок. В то же время примеры искажений текста Августина, явным образом связанные не с фонологией, а с изменением употребления падежей, родов существительных и употребления родовых форм изменяющихся по родам частей речи, в MSAug с трудом обнаруживаются даже в единичных экземплярах, и те, которые все же есть, спорные², при том что в PSus и в AV2, как будет видно по

---

² Явным образом имеет отношение к употреблению падежей и альтернативных падежам предложных конструкций только пример fol. 8r una parte вместо ex una parte, но лингвистически объяснить его трудно: замена предложной конструкции на беспредложный лимитационный аблатив плохо вписывается в тенденции развития позднеантичной и раннесредневековой латыни, о которых см. ниже раздел 1.1, так что, возможно, скорее в этом случае следует видеть гаплографию,

дальнейшему тексту статьи, таких примеров явно достаточно много (суммарно в PSus, судя по всему, довольно сильно больше, чем в AV2; как и в предшествующей статье, я буду систематически сопоставлять свои результаты с описанием этого текста в работе Adams 1976).

Соответственно, правдоподобные для VI в. аномалии в рассматриваемых в статье областях, появляющиеся хотя бы в каких-то рукописях PSus, имеют хорошие шансы восходить к оригиналу и должны печататься в тексте при издании памятника. Несколько случаев, в которых неправдоподобность явления или распределение чтений по рукописям, по-видимому, все же указывают на позднее происхождение «аномалии» (см. ниже раздел 1.3 и комментарий к примерам (18) и (20a)), показывают, что внесение изучаемых нами здесь «аномалий» переписчиками все же было возможно, и в одном случае (раздел 1.3) похоже, что мотивировано такое искажение именно особенностями языка переписчика. Однако такие случаи, по-видимому, все же совсем редки, и вероятность, что тот же сценарий имел место в остальных разбираемых в статье примерах, мала. При оценке относительной надежности примеров следует скорее обращать внимание, во-первых, на то, могут ли «аномалии» объясняться иными причинами, чем рассматриваемые нами (ср. комментарий к примерам (11), (12), (14), (15), (19a), (21)), а во-вторых, на их засвидетельствованность в рукописной традиции. В принципе, даже чтение одной поздней рукописи, вопреки всем остальным фиксирующее правдоподобную для VI в. «аномалию», касающуюся разбираемых нами аспектов, в нашем случае следует рассматривать как вероятно верное — однако оно,

---

вызванню тем, чем предлог *ex* следует за словом *lux* (контекст этого места, Aug. Gen. litt. 30, выглядит так: *...quam lux ex una parte illustrans ex altera faceret tenebras*, второе *ex* в MSAug сохранено). Выглядит как пример касающейся падежей аномалии случай на fol. 14r, где вместо аккузатива *librum* употреблена форма *libri* (ср. ниже раздел 1.3), но она может быть спровоцирована следующей далее формой *Geneseos* (т. е. писец не написал *libri* в значении *libros* — множественное число было бы неуместно применительно к книге Бытия, — а подумал по следующему далее генитиву *Geneseos*, что и слово *liber* должно быть в генитиве, не разобравшись в идущей затем конструкции). На fol. 6v вместо *quo* дважды употреблена форма *quod*, но это, вероятно, замена местоимения на союз, а не одной падежной формы на другую. Этим списком по-видимому релевантные примеры исчерпываются.

разумеется, имеет больше шансов оказаться, к примеру, элементом случайного «шума», совпавшим внешне с интересующими нас особенностями. Учитывая тенденцию рукописей к «нормализации», хорошо зафиксированными можно считать чтения, присутствующее либо одновременно в обоих основных семействах рукописей PSus (Ф и Ψ), либо сразу в нескольких подгруппах семейства Ψ, так как гипархетип Ф сам, по-видимому, был склонен к «нормализации».

При сообщении о рукописных основаниях рассматриваемых вариантов текста я буду исходить из того же набора учитываемых рукописей и той же их классификации, что и в предшествующей статье; я добавляю только одну рукопись *d* (s. xii–xiii, сильно сокращенный текст), принадлежащую к семейству δ. Для удобства я снова приведу список используемых рукописей, сгруппировав их в соответствии с классификацией по семействам³:

[Ф = общий источник *P* и *F*]

P – Vaticano, Pal. Lat. 846, fol. 116v–120r (s. ix¹)

ex *P* descripti:

K – Karlsruhe, BLB Aug. Perg. 32, fol. 10v–14r (s. ix^{2/4})

Z – Zürich, Zentralbibl. Rh. 81, p. 335–350 (s. x)

F – cod. Fuldensis deperditus, collegii Societatis Iesu Fuldensis, dein Musei Bollandiani Q Ms. 6 (s. ix–x?)

[Ψ = общий источник *ASβδμ*]

A – Paris, BNF Lat. 11884, fol. 155v–159v (s. xi)

S – Paris, BNF Lat. 15437, fol. 110v–115r (s. xi^{ex})

[β = общий источник *BWtα*]

B – Bruxelles, Museum Bollandianum 14, fol. 84r–87r (s. ix^{2/4})

W – Wien, ÖNB Lat. 357, fol. 158r–165v (s. ix^{3/4})

t – Paris, BNF Lat. 9742, p. 102–110 (s. xiii^{2/4})

---

³ Краткое обоснование моей классификации рукописей было представлено на докладе, сделанном 25 мая 2020 г. на семинаре «Современные проблемы антиковедения» в РГГУ; его запись можно найти по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=AYUZqHjndf8&feature=youtu.be>. Заглавными буквами по изначальному замыслу обозначались рукописи, которые старше 1100 г., но некоторые датировки впоследствии были уточнены. Неучтенными остаются еще около 20 рукописей, все они созданы позднее 1100 г., за исключением рукописи *E*, о которой см. сл. прим.; вместо нее я использую апограф *r*.

[α = общий источник *hla*]

- h* – Heiligenkreuz, SB 13, fol. 91v–93v (a. 1183–1200)
l – Lilienfeld, SB 60, fol. 137r–139v (s. xiii^{1/3})
a – Melk, SB 101, fol. 215r–219v (ca. 1470)

[δ = общий источник *Cbdr*]

- C* – Vaticano, Arch. Cap. S. Pietro A 4, fol. 111v–118r (s. xi)
b – Vaticano, Arch. Cap. S. Pietro A 3, fol. 210v–211r (s. xii–xiii)
 ex *b* descriptus:
f – Vaticano, Arch. Cap. S. Pietro A 7, fol. 245r–v (s. xiii–xiv)
d – Roma, Biblioteca Vallicelliana X, fol. 176r–179r (s. xii–xiii)
r – Vaticano, Vat. lat. 6075, fol. 194v–198r (a. 1601)⁴

[μ = общий источник *pvtu Mombr.*]

- p* – Paris, BNF Lat. 5290, fol. 16v–22r (s. xi²)
v – Vaticano, Vat. Lat. 9668, fol. 133v–141r (s. xi)
m – Vaticano, S. Maria Magg. 2 pt. A, fol. 84r–90v (s. xii–xiii)
u – Vaticano, Vat. Lat. 1191, fol. 167v–174r (s. xii^{3/4})
Mombr. – ed. Mediolanensis B.Mombratii a. 1478, T. II, fol. 306r–309r (= Mombrizio 1910: 2.553–559)

Две фрагментарные рукописи не включены в классификацию:

- V* – Roma, Biblioteca Vallicelliana, Carte Vallicelliane XII.2 (s. viii)
D – Chartres, BM 506 (144), fol. 176v–182r (s. x)

В целом аппарат при описании чтений в статье чаще всего строится как негативный без указания, в каких рукописях на этом месте пропуск, однако наличие места в рукописях *VD* отмечается систематически, т. к. есть теоретическая возмож-

⁴ В рукописи *r* эксплицитно сообщается на fol. 208v, что она создана как (по замыслу максимально точная) копия легендария монастыря Св. Цецилии в Трастевере, который долго считался пропавшим; я также исходил из представления, что он утрачен, в докладе, упомянутом в предыдущем примечании. Однако я упустил из виду, что некоторое время назад эта рукопись была обнаружена в ЮАР (Dolbeau 1984); сейчас это Cape Town, National Library of South Africa, Grey Collection 48.b.4–5, текст *PSus* сохранился в ней на fol. 169r–172r (Steyn 2002: 199). Приятно узнать, что датировка, предложенная мной в докладе для утраченной рукописи по косвенным признакам (XI–XII в.), оказалась верной: сначала рукопись датировали XII в., а теперь датируют 1060–1070 гг. (Virchillo Franklin 2001: 866 n. 26). Я планирую использовать для этой рукописи обозначение *E*; пока она мне недоступна, и я пользуюсь вместо нее апографом.

ность, что они независимы от обоих семейств Φ и Ψ и их чтения обладают равным статусом с соответствующими гипархетипами; тем не менее, хотя это пока не удастся доказать, более вероятно, что V входит в семейство Ψ (в качестве отдельной ветви?), а D — в подгруппу β внутри семейства Ψ . Я также пользуюсь той же системой сокращений при описании чтений рукописи, что и в предшествующей статье:

A^1 — чтение рукописи A до исправления;

A^c — исправление в рукописи A , сделанное той же рукой, которой написан первоначальный текст;

A^2 — исправление в рукописи A , внесенное второй (и т.д.) рукой;

A^x — исправление в рукописи A , про которое сложно определить, кем оно внесено (писцом, написавшим первоначальный текст, или кем-то из корректоров).

Текст цитат из PSus я привожу по изданию болландистов (Bolland 1658 + Cuypers 1735, с прибавлением 23 к нумерации глав Куйперса, издавшего отдельно опущенную Болландом концовку памятника), устраняя особенности орфографии изданий XVII–XVIII вв.⁵; при этом не подразумевается, что я в каждом случае считаю болландистский текст верным. Вопрос о том, следует ли в каждом примере принимать присутствующее в рукописях «аномальное» чтение, обсуждается в тексте статьи; обсуждаемый «аномальный» вариант в каждом случае подчеркнут в аппарате.

1. Падежи в PSus

Категория падежа в основном утрачена в романских языках (см., напр.: Salvi 2011: 319–324), поэтому научная литература по поводу падежей в позднеантичной латыни по большей части концентрируется на двух сюжетах, связанных с этим исходом: смешении аккузатива с аблативом и номинативом и вытеснении генитива и датива (и отчасти опять же аблатива) предложными конструкциями, прежде всего с предлогами *ad* и *de* (Bourciez 1952: 79–80, Sergievsky 1952: 109–112, Väänänen 1981: 110–117, Alkire, Rosen 187–188, Adams 2013: 201–202, Miglorini 2019: 36).

---

⁵ В частности, я устраняю диакритики, снимаю противопоставления *u/v* и *i/j*, а также заменяю стандартными написания *caussa*, *induciae*, *seculum*.

1.1. Употребление предложных конструкций вместо генитива, датива и аблатива

Второй из этих процессов, согласно Дж. Адамсу (Adams 2013: 257–320), не был завершен к концу античности: как он указывает, даже в вестготских свинцовых табличках VII в., по-видимому минимально подверженных влиянию литературного языка, генитив и датив еще вполне живы (ср. Velázquez Soriano 2004: 522–524)⁶. Тем не менее употребление конструкций с *ad* и *de* вместо упомянутых падежей в поздней античности явно постепенно расширяется. В случае *ad* вместо датива это в целом зафиксировано хуже; чаще всего приводят в качестве примера распространение конструкции *dico ad* (она действительно распространена в PSus, 15 текстологически и интерпретативно проблемных случаев в моем черновом критическом тексте при 22 проблемных случаях *dico* + Dat., без какого бы то ни было различия контекстов, в которых употребляются две конструкции), однако, как указывает Адамс (Adams 2013: 278–282), это не очень удачный пример: *dico* и другие глаголы речи употребляется с предлогом *ad* и в классической латыни, но в более узком значении «обращаться к кому-то (с какой-то дистанции, часто об ораторе, обращающемся к толпе)», и в позднеантичном употреблении *dico ad* наравне с *dico* + Dat. просто

---

⁶ Можно также добавить в пользу этого тезиса, что и в самых ранних собственно романских текстах есть указания, что предложные конструкции, заменяющие генитив и датив, еще не одержали окончательную победу: в «Страсбургских клятвах» IX в. в значении датива используется форма, соответствующая старофранцузскому косвенному падежу, но без предлога; в «Капуанских тяжбах» X в. еще вполне хорошо сохраняется генитив на *-i* (Alkire, Rosen 2010: 323–327). Сами по себе такие свидетельства, как и свидетельство вестготских табличек, всегда можно объяснить влиянием литературной латыни, но тезис Адамса заключается скорее в том, что, по-видимому, не существует позднеантичных или раннесредневековых латинских (и можно, вероятно, добавить, и романских) свидетельств, недвусмысленно показывающих, что генитив и датив уже в какой-то существенной степени вытеснены предложными конструкциями. В старофранцузском и старопровансальском также сохранялось некоторое количество форм вроде *Francor* или *crestianor* в значении *Francorum* и *Christianorum* (Jensen 1986: 32, 1990: 36), но часто считают, что они были переосмыслены как прилагательные; аналогичные формы фиксировались и в разных диалектах Италии (Текавчић 1979: 2.82, Zamboni 2000: 108). Ср. также прим. 10.

стирается этот нюанс значения, так что в этом случае неправильно говорить об использовании конструкции с *ad* в качестве заменяющего эквивалента для датива (или по крайней мере неочевидно, что это убедительный пример такого использования). В этом же контексте, вероятно, следует рассматривать и единичный текстологически надежный случай *respondeo + ad* в неклассическом значении «отвечать кому-то» вместо «отвечать на что-то» (OLD s.u. *respondeo* 1c) в нашем тексте (PSus 5 *Respondit Susanna ad Caium episcopum* «Ответила Сусанна епископу Гаю», при полном отсутствии в тексте примеров *respondeo* с дативом); ср., напр., *Luc. 4:5 (Vulg.) Et respondit ad illum Iesus* «И ответил ему Иисус». Других примеров употребления конструкции с *ad* там, где в классической латыни был бы датив, в тексте, по-видимому, нет; в обоих этих случаях можно предположить, что предложная конструкция предназначена придавать тексту библейское звучание⁷. Интересно, что практически не фиксируется следов попыток переписчиков исправлять какую-нибудь из двух конструкций при глаголах речи (только в двух местах PSus зафиксированы сразу два варианта, PSus 5 *dixit eis] dixit ad eos S* и еще одно место в первом предложении PSus 5, где не вполне понятно, следует ли восстанавливать текст так, чтобы *ad patrem suum* относилось к *respondit* или к *dixit*, но так или иначе эта конструкция заменена дативом в рукописи *P*). Похоже, за счет узуса Вульгаты оба варианта довольно стабильно воспринимались как корректные, а значит, информация рукописной традиции о непоследовательности автора текста в выборе конструкции при *dico* обладает высокой степенью надежности.

Для употребления предлога *de* вместо генитива и аблатива в PSus есть несколько более надежных примеров, хотя число их все равно невелико. Партитивное употребление *de* является неклассическим не само по себе, но в тех случаях, когда отсутствует значение отделения (Adams 2013: 267–277). В PSus

---

⁷ Может быть значимо, что более редкий оборот *respondeo ad aliquem* также встречается в «Страстях четверых увенчанных» (*Passio S. Quattuor Coronatorum*, BHL 1836, еще одно написанное в Риме мученичество, которое датируют рубежом VI–VII вв.: Guyon 1975, Lanégy 2010: 290–291, Lapidge 2018: 448), если полагаться на текст И. Делеэ (Delehaye 1910): *Pass. 4 coron. 4 respondit Simplicius ad Simpronianum* «Ответил Симплиций Симпрониану».

есть один надежный пример этого явления (1a) и один возможный (1b):

- (1) (a) PSus 28 Eadem hora introiuit unus de seruis Macedonii⁸.
«Тотчас же вошел один из слуг Македония».

de] e *Mombr.*

(b) PSus 6 Qui tamen cum magna multitudine et obsequio cum uenisset, non introiuit cum aliquo de obsequio militantium, nisi ipse solus.

«И хотя он пришел с большой толпой и свитой, он не взял с собой никого из сопровождения солдат, но вошел один».

de obsequio Wtau Mombr.: de obsequiorum P^1ABC^1d : obsequiorum $r, F?$ (aut fort. de obsequiorum *habuit?*): obsequio SC^xpv : *om. m*

В примере (1b) чтение *de obsequiorum*, появляющееся в древнейших рукописях обеих ветвей, по-видимому следует восстанавливать в архетипе. Оно явно является ошибочным, т.к. вряд ли объяснимо лингвистически; судя по всему, изначальное чтение с предлогом *de* было по ошибке смешано переписчиком с «нормализующим» (интерлинеарным?) исправлением *obsequiorum*, на самом деле предназначенным заменить не только слово после *de*, но и предлог *de* вместе с ним. При этом, чтобы объяснить нелогичное множественное число формы *obsequiorum*, следует, я полагаю, восстановить в изначальном тексте форму *de obsequia* с вариантом женского рода, хорошо зафиксированным в рукописях при первом употреблении слова в этом предложении (см. ниже пример (14)); вероятно, осуществлявший «нормализующую» правку писец истолковал форму *obsequia* как *Acc. pl.* после *de* (ср.: TLL 5.1.43.30–45) и потому попытался исправить *de obsequia* на множественное же число *obsequiorum*. Однако в этом примере, хотя я и толковал его как случай партитивного *de* в работе Shumilin 2019: 1163, на самом деле в какой-то степени все же можно увидеть значение отделения: персонаж (Клавдий) мог взять с собой кого-то из свиты, отделив от нее, но не стал этого делать. Возможно, следует, таким образом, считать, что пример все же один.

⁸ Пример разбирается в Shumilin 2019: 1160. Чтение издания Момбрицио наверняка является результатом «нормализации»; *de* заменяет в этой фразе на *ex* также и Л. Зауер в своей парафразе, не опирающейся на текст Момбрицио (Sauer 1573: 603).

Примеров конструкции с *de* там, где следовало бы ожидать инструментального аблатива, два (второй зафиксирован хуже и в этом смысле немного менее надежен):

- (2) (a) PSus 7 ...*quia de sacrificiis idolorum pollutum est os tuum.*
«...ибо уста твои осквернены поклонением идолам».

de] om. l

- (b) PSus 20 ...*liniuit eum chrismatis sacramento...*
«...помазал его таинством мира...»

de chrismatis sacramento A

Отметим, что в обоих случаях также можно увидеть оттенок значения отделения (с первым ср. пассаж из «Страстей Назария и Цельса», BHL 6039, североитальянского текста, датируемого первой половиной V в., Lanéry 2010: 264–266, и доступного только в издании Бонино Момбрицио, *Pass. Naz. Cels.* p. 331.26–27: *Et comprehendentes eum milites duxerunt ad simulacrum, statuantes eum ante aram, ut degustaret aliquid de coinquinatis sacrificiis eorum* «И, схватив его [Назария], солдаты подвели его к статуе и поставили у алтаря, чтобы он отведал от оскверненных жертвоприношений их»).

Суммируя, можно сказать, что замещение косвенных падежей предложными конструкциями, хотя, по-видимому, и представлено в PSus, но в целом слабо. Картина в AV2 очень близка, и соответствующие конструкции представлены там даже хуже: Адамс находит только два случая конструкции с *ad* с глаголами речи (один раз с *dico*, один раз с выражением *do graescepta*) и в целом насчитывает 4 случая «замещения датива» и только один случай конструкции *de* вместо генитива, в целом «один или два случая» «замещения генитива» (Adams 1976: 49–51)⁹. Вероятно, процесс утраты падежей был действительно

⁹ Адамс отмечает в AV2 более обширный арсенал предложных конструкций (но с иными предлогами, чем *de*), соответствующих разным функциям аблатива, и делает отсюда вывод об упадке его независимого употребления, но подсчитать значимые случаи такого рода в PSus сложно, т. к. в основном речь идет о конструкциях, которые уже в классическом языке были вполне возможными эквивалентами для аблатива. К примеру, Адамс обсуждает конструкцию *cum gaudio* (распространенную и в PSus: 9 примеров в моем черновом критическом тексте), однако уже в классической латыни, где эта конструкция также вполне нормальна (TLL 6.2.1716.8–11), вряд ли можно сказать просто

далек от завершения в языке, на котором говорили авторы обоих текстов; в противном случае сложно было бы объяснить, как вышло, что в текстах, рукописная традиция которых настолько пестрит неклассическими формами, эти явления представлены так плохо.

1.2. Употребление аккузатива вместо номинатива и аблатива

В значении латинских номинатива и аккузатива в романских языках в итоге стала употребляться единая форма, обычно внешне совпадающая с прежним аккузативом (с поправкой на фонологические изменения). В этом случае незавершенность процесса к концу античности (по крайней мере, на части территории империи) общепризнана, т. к. восходящий к аккузативу косвенный падеж, противопоставленный номинативу, полноценно сохранялся еще в старофранцузском и старопровансальском языках; тем не менее процесс, приведший к устранению этой оппозиции, явно шел уже в античности. Однако выявить случаи, когда корректно говорить именно об употреблении аккузатива в значении номинатива, в PSus и других подобных текстах затруднительно по той причине, что многие примеры допускают сразу несколько объяснений, не давая оснований для выбора между ними. В результате позднеантичных изменений латинских гласных вместе с отпадением классической финальной /m/ аккузатив в большинстве случаев фонетически совпал в ед.ч. с аблативом (см.: Shumilin 2020a: 650, 656), а в I склонении результат совпал и с номинативом; соответственно, запись с окончанием -am может не иметь отношения к употреблению аккузатива, а быть просто неверной (гиперкорректной) записью для номинатива или аблатива. Во втором склонении в мужском роде образовавшаяся на большей части империи общая форма аккузатива/аблатива ед.ч. на /-o/ не совпала с номинативом, однако форма на -um/-o, записанная на месте ожидаемого номинатива на -us, также может указывать не на употребление аккузатива вместо номинатива, а на колебания рода у существительного (т. е. на наличие дублета среднего рода для слова

---

gaudio в точно том же значении «с радостью», «радостно». Конструкция cum gaudio действительно получает более широкое распространение в христианских текстах (TLL 6.2.1716.11–17), но, возможно, скорее из-за своей стилистически неприхотливой прямолинейности, а не из-за предложного синтаксиса. Беспредложное употребление аблатива в PSus вполне существует.

мужского рода): см. ниже раздел 2.1. Наконец, в случае аблатива, также потесненного аккузативом, употребление формы аккузатива вместо аблатива даже в тех случаях, где они не совпали¹⁰, трудно отличить от колебаний управления конкретных глаголов и предлогов¹¹.

Таковы, в частности, три фиксируемых в PSus случая употребления форм аккузатива, не совпавших с аблативом, после предлогов, требующих в классической латыни аблатива:

(3) (a) PSus 17 Domine Deus, Pater Domini nostri Iesu Christi, qui omnibus ad salutem et uitam aeternam misisti Dominum nostrum Iesum Christum, ut nos erueres a tenebris mundi...

«Господи Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа, Который всем во спасение и в вечную жизнь послал Господа нашего Иисуса Христа, чтобы извлечь нас из тьмы мира...»

a tenebris *D cett.* (de tenebris *a*): a tenebras *B*

---

¹⁰ На части территории Италии сохранилась оппозиция финальных /-o/ и /-u/, этимологически соответствующих кл. лат. /-ō/ и /-ū/ (Loporcaro, Raciaroni 2016: 228–230 и изоглосса 6 на карте 15.1 на с. 229). В соответствии с этим существует теория, что косвенный падеж на /-o/ и аккузатив на /-u/ не совпали в раннероманском языке Италии в целом (Zamboni 2000: 113); согласно В. Форментину, в одном диалекте Лукании еще в XIV в. сохранялось противопоставление аккузативных форм определенного артикля и личного местоимения на -u аблативным на -o, употребление которых ограничено комбинациями с предлогами *in* и *intro* (Formentin 1994). Но, конечно, все эти детали картины не противоречат тому тезису, что процесс вытеснения аблатива (в т.ч. аккузативом) активно шел по всей империи уже на рубеже античности и средневековья (во всех подразумеваемых диалектах форма ед.ч. имен бывшего II склонения заканчивается на /-u/, восходящее к кл. лат. /-um/, а не на /-o/).

¹¹ В PSus также встречаются обороты *Nominatiuus absolutus* и *Accusatiuus absolutus* (один пример приведен в Shumilin 2019: 1166), но в научной литературе о них скорее преобладает мнение, что они не являются модификациями конструкции *Ablatiuus absolutus*, но скорее их происхождение связано с анаколуфами (о *Nominatiuus absolutus* см. библиографию в статье: Galdi 2017: 69 Anm. 7, об *Accusatiuus absolutus* см.: Helttula 1987, Adams 1988); судя по всему, их следует рассматривать не как функции падежей, а в более широком контексте распространенных в PSus многообразных анаколуфов (см.: Shumilin 2020a: 644).

(b) PSus 6 [= (1b)] ... non introiuit cum aliquo de obsequio militantium, nisi ipse solus.

«...Он не взял с собой никого из сопровождения солдат, но вошел один».

cum aliquo] cum aliquem *AB¹C¹d*

(c) PSus 23 Sed tenuerunt Gabinium Presbyterum cum filia sua Susanna, et Claudium cum uxore sua uel¹² filiis...

«Но были арестованы пресвитер Габиний со своей дочерью Сусанной и Клавдий со своей женой и сыновьями...»

filiis] filios *Bd*: filio *AWhC*: filia *la*

В примере (3c) вариант *filio* должен быть результатом неудачной попытки «нормализовать» чтение *filios*, т.к. у Клавдия по сюжету два сына; очевидно, чтение *filios* следует восстанавливать уже для гипархетипа Ψ и, соответственно, печатать в тексте. Написание *uxore* также может подразумевать аккузатив.

И для предлога *a*, и для предлога *cum* аккузативное управление при этом хорошо зафиксировано в поздней античности: для первого уже, по-видимому, в I в. н.э. (TLL 1.40.20–33)¹³, для второго – уже точно с I в. н.э. (Väänänen 1981: 112, TLL

¹² О *uel* в значении «и» (напрасно исправляемом здесь в изданиях Момбрицио, Зауера и Фарлати на *et*: Mombrizio 1910: 2.557, Sauer 1573: 602, Farlati 1753: 585 n. bb) см.: Blaise 1962: 838 (s.u. *uel* 3).

¹³ Два несводимых к фонологическим изменениям эпиграфических примера I в., приводимых Э. Ломмачем в статье TLL, правда, оба несколько проблематичны: надпись CIL 6.4355, где фиксируется формулировка *ab conseruas pedisequas*, датируется на основании информации о том, что она входила в группу эпитафий из «захоронения членов фамилии детей Нерона Друза», однако надежность этих сведений подвергалась сомнению, и к тому же сама надпись уже ко времени издания CIL была утрачена и публиковалась только по сообщениям, которые могут быть искажены (Meloni 2012); надпись CIL 4.2155 происходит из Помпеев, что делает датировку I в. н.э. надежной, но содержащаяся в ней формулировка *a puluinar* может быть и просто результатом пропуска буквы по ошибке (так, в частности, трактует ее Ж. ДиБьези Сэммонс: DiBiasie Sammons 2019: 207). Из литературных текстов, цитируемых TLL, самый ранний несводимый к фонологическим изменениям пример относится к IV в. (Peregr. Eger. 25.12 a monazontes).

1.1341.61–1343.33). Возможно, следует рассматривать такие случаи отдельно от генерализации аккузатива в целом.

Употребление аккузатива в качестве подлежащего также зафиксировано в рукописях PSus. Как указывает Адамс, это явление в поздней античности ограничено специальными контекстами: в частности, когда глагол стоит в пассиве (Adams 2013: 239–245, ср. ниже примеры (4a–b)), или при личной форме глагола *sum* (Adams 2013: 245–249, ср. ниже пример (4c)). Примеры в PSus укладываются в эту схему.

(4) (a) PSus 2 *Quid melius, eligere dignius est, quam ut generositas nostrae coniunctionis reparetur per claritatem Dominorum nostrorum Augustorum?*

«Что достойнее выбрать, чем чтобы благородство наших родственников уз обновилось через славу господ наших императоров?»

generositas] generositatem W^ld

(b) PSus 3 *Nos humiles unde digni sumus cognati dici maiorum?*

«С чего мы, ничтожные, вдруг достойны назваться родственниками великих?»

cognati tamu: cognationi PABC^ld: cognatione SW^l (ut uidetur) C²p¹v Momb.: cognatione F, ut uidetur: cognatio W^x: de cognatione p^x: cognationis r | dici] digni Cd

(c) PSus 6 *Si causae aliae sunt...*

«Если есть другие причины...»

causae aliae] causas alia B^l: alia causa C

В примере 4b распределение чтений по рукописям указывает, что в архетипе должно было быть чтение *cognationi*; вариант *cognatione*, по-видимому, является попыткой адаптировать это чтение к управлению слова *digni*, прочие рукописные варианты также представляют собой результаты усилий по приведению текста к грамматичному облику. Чтение *cognationi*, вероятно, следует трактовать как запись аккузатива с опущенным <-m> и обозначением <i> для предшествующего /e/; о значении «родня» для слова *cognatio* см.: TLL 3.1477.56–1478.45, оно является классическим.

В AV2 явлений, подобных описанным в настоящем разделе, по-видимому, не фиксируется вообще. В этом случае PSus резко контрастирует с ним, являясь яркой иллюстрацией тенденций, приведших к ситуации, известной по романским

языкам, и оказываясь скорее в одном ряду с такими источниками, как «Муломедицина Хирона» (IV в.), «Бамбергская физика Плиния» (V–VI в.), Устав св. Бенедикта (VI в.) или «Салернитанская хроника» (X в.)¹⁴. Может создаться впечатление, что примеры этого раздела недостаточно многочисленны, но нужно иметь в виду, что это только случаи, прошедшие через сразу два фильтра. Во-первых, как видно по раскладу рукописных чтений в каждом из случаев, относящиеся к настоящему разделу случаи, в отличие от относящихся к предыдущему, неизменно активно правилось «нормализующими» писцами; вероятно, часть таких случаев, присутствовавших в изначальном тексте PSus, должна была быть исправлена во всей дошедшей до нас части традиции. Во-вторых, фильтром служит и омонимия форм: вполне возможно, что какие-то из встречающихся в тексте форм, выглядящих как «правильно» употребленные номинативы и аблативы, на самом деле являются неклассическим образом записанными аккузативами; мы «видим» только те случаи, когда омонимии нет. Если делать скидку на эти два фильтра, то примеры настоящего раздела, вероятно, следует считать достаточно многочисленными.

---

¹⁴ А. Эннерфорс обращал внимание, что большинство источников в этом ряду созданы в Италии, но Адамс указывает, что вполне есть и примеры из других частей империи: Önnorfors 1975: 9, Adams 2013: 244. Ср. также в «Страстях св. Квирина» (BHL 7035), агиографическом тексте из Паннонии, изначальный вариант которого, по-видимому, относится к V в. и для которого существует основанное на полном изучении рукописной традиции критическое издание П. Къезы, благодаря которому можно быть уверенным в тексте цитаты (Chiesa 2013), Pass. Quir. 3.2: *Iniurias quas mihi minaris gloria est* «Обиды, которыми ты угрожаешь мне, — это [для меня] слава». Теоретически эту фразу можно интерпретировать как случай аттракции или анаколуфа, и Д. Норберг, собравший ряд похожих примеров, трактовал их именно как аттракцию (Norberg 1943: 75–80); однако интересно, что в точно соответствующих по устройству примерах из его списка (подлежащие в аккузативе — определительное придаточное, начинающееся с относительного местоимения в аккузативе — продолжение главного предложения без анафорического местоимения, относящегося к подлежащему) сказуемое также всегда либо выражено пассивной формой глагола, либо включает в себя глагол *sum*. Вероятно, Норберг прав, что в ранних случаях такой конструкции следует видеть аттракцию, но она, похоже, имеет отношение и к формированию интересующего нас употребления аккузатива.

1.3. Особый случай

В двух рукописях из разных ветвей внутри семейства Ψ также присутствует один случай, который можно трактовать как употребление номинатива в значении аккузатива:

- (5) PSus 3 Indutias mihi date...
«Дайте мне отсрочку...»

indutias] indutiam C: indutie *Wd*

Чтение рукописи *C* можно было бы объяснить вариантами античной идиомы (ср.: TLL 7.1.1277.80–82; итал. *indugia* восходит к форме ед.ч. *indutia*: REW 4388), но вариант рукописей *Wd*, видеть в котором несколько раз независимо возникшую ошибку вряд ли возможно, должен указывать, что *indutie* было чтением рукописи Ψ , в основном исправляемым переписчиками на *indutias*, но сохранившемся в гипархетипе δ (от которого зависят и *C*, и *d*) и исправленным на ед.ч. *indutiam* писцом рукописи *C* либо писцом какой-то рукописи, стоящей между δ и *C*. Вся группа δ состоит исключительно из созданных в Риме рукописей¹⁵, так что в любом случае с большой вероятностью можно предположить, что этот писец был из Италии (судя по датировке рукописи *C*¹⁶, он работал не позднее XI в.); он мог находиться под влиянием известного ему варианта народного языка.

Интереснее сам вариант *indutie*, выглядящий как явно более сложное чтение. Его можно соотнести с итало-романским окончанием *-e*, используемым для несклоняемой формы мн.ч. бывшего первого склонения, т. е. в т. ч. и в функции аккузатива. Происхождение этого окончания дискуссионно: традиционно его возводили к лат. номинативу мн.ч. на *-ae* (напр.: Rohlfs 1966–1969: 2.25, Migliorini 2019: 96), но сейчас популярна трактовка, предложенная после некоторых предшественников М. Мейденом (Maiden 1996), согласно которой речь идет о регулярном развитии лат. окончания *-as* (*/-as/* > */-aj/* > */-e/*, ср. староитал. *ame* < лат. *amas*, итал. *poi* < лат. *pos*: см., напр.:

¹⁵ О рукописи *C* см.: Supino Martini 1987: 68–71, о рукописях *b* и *f* – Vircillo Franklin 2004: 536, о рукописи *d* — Vircillo Franklin 2004: 533, о рукописи *E* (антиграфе рукописи *r*, см. выше прим. 4) — Vircillo Franklin 2001: 866 n. 26. О связи легендариев римских церквей в целом см.: Vircillo Franklin 2001.

¹⁶ См.: Supino Martini 1987: 68–71.

Faraoni 2014, Lampitelli 2014). С этим явлением также часто связывают тот факт, что и в итальянских диалектах, и в средневековых итальянских документах на месте латинского окончания *-as* встречается и просто окончание *-a* (Rohlf 1966–1969: 2.27–30). Если верна концепция Мейдена, то данную форму в нашем тексте, если вообще связывать ее с итальянским окончанием мн. ч., следовало связывать с фонологическими изменениями и рассматривать в нашей предыдущей статье. В то же время М. Барбато указывает, что по крайней мере одна южноитальянская диалектальная форма не получает объяснения в рамках теории Мейдена (Barbato 2010); существуют и ученые, которые допускают, что два объяснения совместимы и имел место полигенез окончания *-e* (Tekavčić 1979: 2.52, ср. также: Alkire, Rosen 2010: 189).

Каким бы ни было объяснение, окончание *<-(a)e>* достаточно свободно употребляется вместо *<-as>* в мн. ч. I склонения в раннесредневековых латинских документах, созданных на территории Италии. Попытка выстроить хронологию для этого явления была сделана В. Фараони на основе т. н. «свободных» (т. е. не формульных) частей «Лангобардского дипломатического корпуса» и аналогичных документов для более поздних эпох; согласно ему, *<-e>* употребляется на равных с *<-as>* в документах из центральной и южной Италии и Тосканы начиная с VIII в., а в IX в. *<-e>* уже вытесняет *<-as>*; в северной Италии тот же процесс идет с запозданием на столетие (Faraoni 2014: 113). С точки зрения этих дат, однако, появление такого окончания в нашем тексте выглядит, вероятно, неправдоподобно ранним (даже если исходить из традиционного объяснения, не требующего в этом случае постулировать завершение сразу нескольких этапов фонологического процесса к VI в.). Конечно, можно найти отдельные примеры VI в., которые теоретически можно было бы считать другими ранними иллюстрациями того же самого изменения (напр., Anon. Val. II 82 *synagogas, quae incendio concretauerunt* «синагоги, которые сожгли пожаром», где Адамс видит фоссилизацию формы *quae*, употребленной в значении *quas* (Adams 1976: 88)¹⁷; с формами

---

¹⁷ Возможно, скорее стоит думать о непереходном употреблении *concreta* в значении «сгорать»? Ср.: TLL 4.1154.44–45, где приводятся два примера на *creta* в значении «сгорать» (один из трудно датированного глоссария, другой из хронологически близкого к AV2 Венанция Фортуната).

на <-a> вместо <-as> можно было бы сопоставить форму прилагательного в тексте рукописи *B causas alia* в примере (4c) выше, которую иначе следует, вероятно, считать ошибкой, породившей и чтение рукописи *C*)¹⁸. Однако таких примеров явно будет мало, и аргументация в целом будет натянутой; больше похоже, что в этом случае перед нами все-таки морфологический вариант, внесенный в текст при переписывании. Сразу несколько по-видимому независимых ветвей внутри семейства Ψ полностью (δ)¹⁹ или частично ($\beta\mu$)²⁰ представлены итальянскими рукописями, что вместе с тем фактом, что текст был создан в Италии, заставляет предположить, что сама рукопись Ψ тоже была итальянской; если судить по датировкам входящих в семейство Ψ рукописей, ее создание вполне может относиться к VIII в.²¹ Вероятно, следует считать, что чтение *indutie* не восходит к оригинальному тексту, но что работавший в VIII в. итальянский писец рукописи Ψ (или ее близкого по дате антиграфа)²² записал окончание *-as* как *-e* (возможно, потому, что оно было произнесено в рамках диктовки или внутренней диктовки в соответствии с происшедшими фонологическими изменениями?). Возможно, на основании прослеженной Фараони географической дистрибуции следует сделать предположение, что эта рукопись была создана не севернее Тосканы.

---

¹⁸ Я упустил из виду этот пример, когда писал в предшествующей статье (Shumilin 2020a: 644), что «[в] рукописях PSus... нет ни одного явного случая пропуска ожидаемой финальной буквы <-s>».

¹⁹ См. выше прим. 15.

²⁰ О месте создания рукописи *W* («вероятно, северная Италия») см. Bischoff 2014: 477, о месте создания рукописи *u* (Рим или окрестности) — Dolbeau 1975: 398; издание *Mombr.* вышло в Милане. Чтение *conseruas* вместо *respicis* в PSus 15, фиксируемое из используемых мной рукописей только в *A*, было также известно жившему в Риме Цезаре Баронио (Baronio 1590: 653C), что скорее всего подразумевает, что у *A* также были какие-то близкие родственники в Италии; возможно, они еще будут обнаружены при дальнейшем изучении рукописной традиции.

²¹ Если допустить, что фрагмент *V* не относится к семейству Ψ , то речь также может идти о самом начале IX в.

²² Теоретически не исключено, что этим антиграфом был архетип всей традиции; создатель гипархетипа второго основного семейства, Φ , явно был склонен к «нормализации» и мог также исправить неклассическую форму архетипа.

2. Род

Ситуация с изучением позднеантичного развития латинской категории рода отчасти схожа с ситуацией с изучением падежной системы. Здесь в центре внимания обычно оказывается средний род, в целом отсутствующий в романских языках. С латинским средним родом часто связывают некоторые романские реликты, в особенности характерный для румынского и для диалектов Италии «обоюдный род» (к которому относятся существительные, с которыми зависимые слова согласуются по мужскому роду в ед. ч. и по женскому в мн. ч.) и распространенный в центральных и южных итальянских диалектах особый «неисчисляемый род»; в недавней монографии об этом вопросе Микеле Лопоркаро доказывает, что в средневековых вариантах романских языков практически везде какое-то время сохранялся и полноценный средний род, подобный латинскому, к которому и восходят эти реликты и который на самом деле даже выжил в диалекте г. Вербикаро в северной Калабрии, где во множественном числе противопоставляются *i riédde ȳruessə* «большие ноги» (m), *i labbra ȳrɔssa/ȳrɔssə* «большие губы» (n) и *i ma:nə ȳrɔssə* «большие руки» (f) (Loporcaro 2018). Но то, что процесс перераспределения слов среднего рода по другим родам, очевидно, не был завершен к концу античности, конечно, тоже не значит, что его не было; он хорошо виден и по материалу рукописей PSus.

Лопоркаро обращает внимание, что в случае латыни следует различать собственно синтагматическое понимание рода (Corbett 1991: 1: «Родами называются классы существительных, влияющие на поведение зависимых слов») и род в чисто парадигматическом смысле, т. е. тогда, когда на него указывает морфология (т. н. «открытый род», *overt gender*): напр., когда латинское существительное среднего рода второго склонения оканчивается в номинативе на *-us*, это, очевидно, значит, что оно перешло в мужской род, даже если для этого тезиса нет синтагматических аргументов. Посвященные роду слов разделы словарных статей в TLL, к примеру, обычно игнорируют это различие. Соответственно, в следующих далее таблицах мы будем характеризовать каждый пример следующими пометками: ^C = синтагматически засвидетельствованный род (астериск после C указывает, что только часть зависимых от существительного слов в данном примере согласованы по аномальному роду); ^П = парадигматически засвидетельствованный род;

^{C+Π} = и синтагматически, и парадигматически засвидетельствованный род; записи вроде ^{C/C+Π} будут обозначать колебания по этому параметру в рукописях текста.

2.1. Род существительных

Случаи неклассического рода у существительных в PSus перечислены ниже в таб. 1–3; в графе «пассажи в PSus» перечислены ссылки на примеры, приведенные списком после таблицы.

m вместо n

слово	пассажи в PSus	параллели	романские рефлексy ²³
genus	(6a–b) ^{C*}	Commodianus (v) ^{C*} (TLL 6.2.1885.46–47)	много слов м.р. (REW 3738)
lumen	(7a–b) ^C	Iren. Lat. (iii/iv) ^{C*} , Serm. Arian. frg. (iv/v) ^C , Fulg. Rusp. (v/vi) ^{C*} , Oribas. Lat. (vi) ^C (TLL 7.2.2.1810.54–59), Actus Petri cum Simone 20 (iii/iv) ^C	много слов м.р., исп. lumbre f, катал. llum f, рум. lume f, lumină f (REW 5161), логуд. luma f (Rubattu 2006: 1.47)
onus	(8) ^C	Gesta Liberii (vi) ^C (TLL 9.2.643.2–3)	логуд. onus m (REW 6066)
palatium	(9) ^{C+Π}	Anon. Val. II 71 (vi) ^C , Vocabularium S. Galli (viii) ^Π	много слов м.р. (REW 6159)
signum	(10) ^{C/C+Π}	Vetus Latina (ii/iii, in cod. s. viii) ^C , Oribas. Lat. (vi) [?] (Souter 1949: 378), Reg. Bened. (vi) ^{C+Π} (Blaise 1962: 760), ?Actus Petri cum Simone 12, 38 (iii/iv) ^C	много слов м.р., исп. seña f, порт. senha f, неап. senga f (REW 7908)

²³ Списки романских рефлексов «аномального» рода не претендуют на полноту, особенно в том, что касается итальянских диалектов. Также следует иметь в виду, что в литературе по итальянским диалектам часто используется упрощенная орфография.

f вместо n

слово	пассажи в PSus	параллели	романские рефлексы
chrisma	(11) ^П	?Ps. Orig. (iv?) ^П , Lib. pontif. (vi) ^П , Montanus (vi?) ^П , Isid. (vii) ^П (TLL 3.1027.33–36), ?Caesar. Arelat. (vi) ^П (Souter 1949: 49), Missale Gothicum (vii) ^П (Blaise 1962: 148)	ит. cresima f, фр. chrême m, crème f (REW 1887)
gaudium	(12) ^{C+П}	Greg. Tur. (vi) ^{П, C+П} , ?Gloss. ^П (TLL 6.2.1711.68–73)	много слов м.р., фр. joie f (REW 3705, ср. также REW 3704 пьем., бреш. ĝola < *gaudiola)
gestum	(13) ^П	Lib. pontif. (vi) ^П (TLL 6.2.1948.61–62), ?Passio S. Quattuor Coronatorum (vi) ^П (Blaise 1962: 375)	старофр. geste f, пров. gesta f (REW 3749)
obsequium	(14) ^П	?Gloss. ^П (TLL 9.2.180.78) ²⁴	—
rheuma	(15) ^П	Isid. (vii) ^П (Blaise 1962: 724)	фр. rhume m (во многих диалектах f: FEW 10.376–377), исп. reuma m, ит. reuma f (староит. reuma m/f), пров. rauma f, порт. reuma f (REW 7288)
studium	(16) ^П	—	много слов м.р., фр. étude f (REW 8326)
uirgultum	(17) ^{C+П}	Peregr. Eger. (iv) ^П , Diosc. Lat. (vi) ^{C+П} , Oribas. Lat. (vi) ^П (Souter 1949: 444), Greg. Tur. Glor. conf. 23 p. 313.15–16 Krusch (vi) ^{C/C+П} , Isid. Etym. 17.7.71 (vii) ^П	—

²⁴ Мн.ч. obsequiae в значении exsequiae «похороны», очевидно, следует считать отдельным словом.

m вместо f

слово	пассажи в PSus	параллели	романские рефлексы
peluis	(18) ^П	–	–

Таб. 1–3. «Аномальный» род существительных в PSus

(6) (a) PSus 6 Nihil enim melius esse cognouimus, quam ut generatio nostra ad infulas imperii migrare festinet, et genus nostrum augeatur sublimitate praeclarum.

«Ведь не ведомо нам ничего лучшего, чем чтобы семья наша поспешила приблизиться к инфулам императорской власти и чтобы род наш возвеличился, прославлен вознесением к высотам».

praeclarum *D cett.*: praeclarus ABC^l: praeclarius *t*: praeclara *Sμ*

(b) PSus 8 Hoc autem quod agere uenisti; Dominus te redimere uult per puellae petitionem, ut saluum sit genus nostrum.

«Что же до того, что ты пришел сделать, то это Господь хочет спасти тебя через сватовство к девушке, чтобы спасся род наш».

saluum] saluus A^lSB^l: saluu^o (= saluus?) *C*

(7) (a) PSus 11 Vidi lumen splendidus sole illuminans me.

«Я видел свет более ослепительный, чем солнце, озаривший меня».

lumen] lucem *C²* | splendidus *D cett.* (splendius *Sm^l*): splendidiorem B^lC: splendidiore *A*: splendidum *dr*: splendidi *B^x* | inluminans *P^xSt^xμ* (inluminan *B^x*, illuminas *l²*): inluminantem P^lB^lWαCr: inluminante *A*: illuminare *d*

(b) PSus 15 ...quia tu es lumen uerum in saecula saeculorum.

«...ибо Ты есть свет истинный во веки веков».

uerum *D cett.* (eternum *l*): uerus B^l

(8) PSus 8 Nullum onus peccatorum peius est quam ut idolis coinquetur homo, quem Dominus Deus fecit.

«Нет бремени грехов худшего, чем чтобы поклонением идолам осквернял себя человек, которого создал Господь Бог».

nullum] nullus A^lBt | (h)onus peccatorum *cett.*: bonus peccator *B*: honos peccatorum *W*: hominum peccatorum *Z*: tam peccatorum *t* | peius *P Bolland* (*sc. ex F?*): pessimus Bt, etiam ex numero litterarum V, qui habet ...]s (pessimum *C^l Mombr.*): tam pessimus *A^l*: tam pessimum *A^xSrmu*: adeo pessimum *C²*: plus pessimum *Wα*: sic pessimum *pv*

В примере (8) верное чтение вместо *reius*, по-видимому, *pessimus* (всячески исправлявшееся в разных рукописях): о таком употреблении суперлатива в значении компаратива см.: Hofmann, Szantyr 1965: 594, Röscher 1869: 417–418. Бессмысленное исправление *bonus pessator* вместо *honus pessatorum* в *B*, очевидно, спровоцировано мужским родом слов *nullus* и *pessimus* и указывает, что в рукописи β был тот же текст, что и изначально в *A* (но без *tam*).

(9) PSus 25 Non coinquinetur palatium nostrum...

«Да не будет осквернен наш дворец...»

palatium nostrum] palatius noster *B¹W* (palatium noster *B^x*, *ut uidetur*)

(10) PSus 29 ...ab eodem tempore iam tale erat signum Christianis...

«...с того времени так и стали называть это место христиане...»²⁵

tale erat signum] talis erat signus *B¹*: talis erat signum *ACd*

(11) PSus 11 Eadem hora, V. Caius Episcopus liniuit eum chrismate...

«В тот же час блаженный епископ Гай умастил его миром...»

chrismate] chrisma *PABWhaC¹*

В примере (11) чтение *chrisma* (явно верное) теоретически можно истолковать как аккумулятив ср. р., употребленный вместо инструментального аблатива, но параллели для именно такой формы генерализации аккумулятива (употребления его вместо инструментального аблатива) найти сложно, и правдоподобнее увидеть здесь аблатив ж.р. (ср. параллели в таб. 2).

(12) PSus 6 Cognouit sanctitas uestra, pro quo gaudio uenerim ad uos.

«Ведает святость ваша, из-за какой радости я пришел к вам».

pro quo gaudio] pro qua gaudia *B¹*: pro qua gaudens *W*: pro qua gaudii causa *S*: pro qua causa μ : pro quo gaudens α : pro quibus gaudiis *r*

Пример (12) разбирался мной в работе Shumilin 2020a: 644–645. Судя по всему, чтение, которое объяснит все остальные как «нормализующие», — это *pro qua gaudia*; форму *gaudia* после

²⁵ Лэпидж (Lapidge 2018: 286) переводит *it had great significance for the Christians*, но (даже если такое понимание слова *signum* вообще возможно) контекст скорее подразумевает для *signus/signum* значение «имя», см.: Blaise 1962: 760 (s.u. *signum* 4).

рго можно было бы истолковать как Асс. рl. среднего рода (ср. выше раздел 1.2 и TLL 10.2.2.1437.13–40), как, очевидно, понял переписчик, породивший нормализацию рукописи *r pro quibus gaudiis*, но местоимение *qua* дает понять, что речь об аблативе ед.ч. женского рода.

(13) PSus 21 ...qui magis gesta sanctorum Martyrum colligens ornabat...

«...он, собирая деяния святых мучеников, возносил их похвалами...»²⁶

gesta sanctorum martyrum tha Bolland (*gesta martyrum sanctorum DSB^x rmu Mombr.*, *martyrum gesta sanctorum C^x*, *gesta sanctorum pv*): *gestas martyrum sanctorum PAB^lW* (*martyrum gestas sanctorum C^l*, *gestas sanctorum martyrum l*)

(14) PSus 6 [= (1b)] Qui tamen cum magna multitudine et obsequio cum uenisset...

«И хотя он пришел с большой толпой и свитой...».

obsequio] *obsequia DAB^lC*: *obsequiis SWa*

В тексте, следующем непосредственно за примером (14), выражение *de obsequio* также явно следует исправить на *de obsequia*: см. выше пример (1b) и комментарий к нему. Теоретически форма *obsequia* может быть истолкована как Асс. рl. (так, видимо, понял писец, породивший «нормализацию» *obsequiis*), но, если эпитет *magna* относится к обоим существительным, что было бы логичнее, то фраза будет менее шерховатой, если *obsequia* — это ед.ч., и ср. также возможную параллель в таб. 2.

(15) PSus 23 ...iussit... Claudium et Praepedignam et Alexandrum et Maximum in Ostia in rheuma iactari.

«...[Диоклетиан] приказал... Клавдия, и Препедигну, и Александра, и Максима в Остии утопить в море».

reuma cett. (*rheuma Mombr. Bolland*, *reuina t*, *rema S^l*): *reumam W*: *reumate m^x*

²⁶ О *magis* в значении «очень», «очень сильно» см.: TLL 8.56.70–57.36, и ср. также PSus 22 *magis confortata est* «очень приободрилась».

В примере (15) <-m> в форме *reumat* может быть гиперкорректным, но ср. выше переход в женский род слова с тем же суффиксом в примере (11) и параллели в таб. 2.

(16) PSus 1 ...et erat eruditus in omni mundanae artis studio litterarum.

«...и был он образован во всякой учености мирских наук».

studio] studia *S*¹

(17) PSus 3 ...quia iustum est, ut ex radice firma uirgultae natae non separentur...

«...ибо справедливо, чтобы поросль, происходящая от крепкого корня, не отделялась от него...»

uirgultae natae PFABWαC¹ dr Momb.: uirgulta nata *StC²pv*: uirgulae natae *tu*

(18) PSus 11 Et respondit Claudius stans nudus super peluim ligneum...

«И Клавдий, стоя нагой в деревянной купели, отвечал...»

ligneum DPASBWC¹ rv: ligneam *taC²dp^{tu} Momb.*

Почти все случаи в PSus связаны со средним родом (что касается случая (18), то, хотя он и очень хорошо зафиксирован в рукописях, его, возможно, стоит считать сомнительным: для него нет параллелей ни в античных текстах, ни в романских языках, и вполне можно представить, что на самом деле речь о механической ошибке в архетипе, порожденной сходством букв *a* и *u* в минускуле и схожих шрифтах вроде полуунциала)²⁷. Адамс показывает, что та же самая тенденция хорошо видна уже для Петрония (28 случаев необычного рода из 29 связаны со средним родом, хотя сюда входит и средний род на месте ожидаемых мужского и женского), при том что она скорее не прослеживается в корпусе Плавта (Adams 2013: 392–424). При этом обычно пишут, что основным направлением перераспределения было $n > m$, в то время как перераспределение $n > f$ скорее было более или менее маргинальным явлением (Nunes

²⁷ Традиция PSus явно должна была пройти через написанные такими шрифтами рукописи на стадии, предшествующей созданию архетипа, судя по явно верной конъектуре Л. Дюшена *Thomos* вместо *C(h)omos* в PSus 23 (Duchesne 1916: 38–39; С. Ланери и М. Лапидж игнорируют ее, см. Lanéry 2010: 149, Lapidge 2018: 283 n. 40, даже при том что первая вслед за И. Делеэ признает верной стоящую за конъектурой интерпретацию генезиса текста: Delehaie 1936: 24, Lanéry 2010: 152).

1975: 221, Polinsky, van Everbroeck 2003: 379, Coseriu 2008: 78, Loporcaro 2018: 14, 19, 232). Этот вывод, по-видимому, действительно следует из распределения слов бывшего среднего рода по родам в романских языках и также релевантен для романа Петрония (15 случаев $n > m$ против 5 случаев $n > f$). Тем не менее, если посмотреть на встречающиеся в PSus примеры, картина будет противоположной: случаи $n > f$ даже несколько преобладают над случаями $n > m$. В этом отношении текст PSus опять схож с AV2 (хотя в последнем та же тенденция выражена не так ярко: Адамс находит в нем 5 случаев $n > m$ против 4 случаев $n > f$, плюс помимо этого еще 3 случая перехода слов мужского и женского рода, во всех случаях IV склонения, в средний род: Adams 1976: 90) и также с корпусом Григория Турского (в очерке Бонне указано 16 случаев $n > m$ против 21 случая $n > f$, помимо этого еще много примеров переходов $m > n$ и $f > n$: Bonnet 1890: 345–354). Очевидно, на этапе процесса утраты среднего рода, соответствующем VI в., перераспределение $n > f$ на какое-то время вышло на более заметное место.

Переход среднего рода в женский, все время мотивируемый внешней формой слова (исходом ед. ч. у греческих заимствований на -та и мн.ч. на -а у остальных слов)²⁸, дает возможность парадигматического выделения смены рода по всей парадигме, очевидно, поэтому в таб. 2 преобладают такие примеры (и в PSus, и среди параллелей); переход в мужской род, при котором такие возможности более ограничены, чаще виден по синтагматическим признакам (тоже и в PSus, и среди параллелей). Слова среднего рода третьего склонения на -us (genus, opus, ср. также в AV2 corpus, ср.: TLL 4.999.19–22, у Григория Турского uulnus, ср.: Souter 1949: 452) также, по-видимому, переходят в мужской род под влиянием внешней формы, но при этом в известных нам примерах IV–VI вв. интересным образом не меняют склонения, меняя только согласование²⁹.

²⁸ Последний механизм в некоторых случаях виден и в значении: так, gesta, -ae f обычно, по-видимому, значит именно «(единичный) нарратив о (множественных) деяниях (мученика)», в то время как мн. ч. gestae используется для указания на множественное число таких нарративов.

²⁹ Ср. итал. согро, мн.ч. согри, подразумевающее, что последний слог начальной формы слова был переосмыслен как окончание. При этом, как указывает TLIO s.u., в средневековых итальянских текстах распро-

2.2. Согласование по роду в отсутствие главного слова – существительного

При этом в PSus, возможно, есть примеры вытеснения среднего рода мужским в одной области, в которой античные параллели (по крайней мере, общепризнанные) найти сложно.

Лопоркаро указывает, что одной из функций латинского среднего рода, за которой имеет смысл следить при переходе к романским языкам, является, в терминологии Г. Корбетта, «резюмция/прономинализация неканонических контроллеров»; в частности, среди прочего, именно средний род используется для согласования с местоимениями в значениях «это», «что», «всё», «что бы ни» и т. п., когда они не отсылают к конкретному именному антецеденту (Loporcaro 2018: 22–24). В романских языках сохранилось некоторое количество местоимений со значением латинского среднего рода, но прилагательные обычно согласуются с ними по мужскому роду, и похоже, что два аналогичных латинских примера сохранены рукописями PSus:

(19) (a) PSus 2 [= (4a)] Quid melius, eligere dignius est, quam ut generositas nostrae coniunctionis reparetur per claritatem Dominorum nostrorum Augustorum?

«Что достойнее выбрать, чем чтобы благородство наших родственных уз обновилось через славу господ наших императоров?»

dignius est ZB, F? (digniusue est a): dignus est SW^lC^lu (dignus d): dignus es PA Momb.: dignum est tC^xrm: est W^x: dignatus est pv^{x?}: dignatus es v^{l?}

(b) PSus 18 Quidquid a Deo datur, sempiternum est.

«Что дается от Бога, то навеки».

sempiternum est] sempiternus B^l

Конечно, здесь следует быть осторожным. Ситуация с рукописями в примере (19a) допускает несколько трактовок. В пользу чтения издания Болланда *dignius est* можно привести тот довод, что оно, возможно, зафиксировано сразу и в семействе Ф, и в семействе Ψ; если это так, то оно, вероятно, должно восходить к архетипу. Правда, данные рукописей семейства Ф

странено и мн. ч. *conroga*, согласование с которым идет по женскому роду (а сицилийский аббат XIV в. Анджело Сенизио пишет это слово как *conrore*, мн. ч. *conrogi*, мужского рода в обоих числах).

двусмысленны: рукопись *Z* зависит от *P*, дающей чтение *dignus es*, но добавляет к ней некоторые другие чтения, по-видимому происходящие из семейства Ψ , так что ее появление здесь малоинформативно; более уверенно можно говорить о присутствии чтения *dignius est* в непосредственно зависящих от гипархетипа Φ рукописях, если чтение *dignius* фигурировало в утраченной рукописи *F*, но вывод об этом корректен только в том случае, если примечание использовавшего рукопись *F* Я. Болланда к этому месту («*Mombr. dignus es*») устроено по принципу негативного критического аппарата. Также использовавшаяся Болландом рукопись *t* дает пропущенное в этой записи чтение *dignum est*, но Болланд мог опустить ее вариант как чтение второстепенной рукописи или по ошибке; тем не менее уверенным в негативности записи Болланда быть сложно, возможно, в *F* на самом деле было какое-то еще чтение. Что касается самого текста *melius... dignius*, то видеть в нем две однородных сравнительных степени без союза, как, судя по пунктуации, делал Болланд (за которым следует в своем переводе и Лapidж: Lapidge 2018: 273), вряд ли удачное решение, но можно также увидеть здесь плеонастическую сравнительную степень наподобие *magis doctior*, каковые осуждаются античными грамматиками и периодически фиксируются в позднеантичных текстах (Hofmann, Szantyr 1972: 166–167). Плеоназм мог спровоцировать независимые исправления текста со стороны писцов.

Некоторой привлекательностью обладает и по-видимому конъектуральное решение кого-то из корректоров рукописи *W* (некоторые из которых склонны к конъектурам) удалить форму прилагательного *dignus* из текста: ср. пример (ба) выше; *dignius*, если это чтение архетипа, могло быть вползшей в текст глоссой к *melius*.

Тем не менее единственное чтение, делающее полностью понятным происхождение всех остальных вариантов, — это, по-видимому, все же вариант *dignus est*, и то, что оно вместе с близкими вариантами фиксируется в целом ряде ветвей семейства Ψ наряду с рукописью *P* из семейства Φ , вполне позволяет считать, что чтением архетипа было именно оно; что *dignius* было несколько раз независимо исправлено на *dignus*, представить скорее сложно; максимум можно думать о наличии двух вариантов уже в архетипе. Вероятно, не имеющее

очевидных параллелей³⁰ употребление мужского рода все же не следует печатать в тексте в издании и следует оставить в аппарате, но отнести к нему все же следует со всей серьезностью, учитывая, что таких случаев в рукописях текста два и что они в целом правдоподобны с точки зрения общих тенденций развития раннесредневековой латыни и ранних романских языков (*melius dignus* при этом будет эквивалентом сравнительной степени, о котором см.: Hofmann, Szantyr 1972: 166, E. Löfstedt 1956: 2.383–384; он сохранился в старофранцузском, провансальском и каталанском: Meyer-Lübke 1890–1906: 3.1.245). В романских языках, сохранивших противопоставление среднего и мужского рода в формах прилагательных (напр., старофранцузском, старопровансальском), в соответствующей функции используется средний род, но, как указывает Ф. Йенсен (Jensen 1990: 76), возможность замещения его мужским родом при этом тоже существует: ср. Chrétien de Troyes, *Cligès* 3214 (XII в., старофр.) *Rien n'i est aigres n'amers* «Нет в нем ничего резкого (m) или горького (m)», *Vidas dels trobadors* 38.E.31 (XIII–XIV в., старопров.) *So qe·ll era ditz non era vertatz* «То, что ему было сказано (m), не было правдой». Представить, что такие случаи становятся возможными уже в сохраняющей средний род, но постепенно передающей его функции мужскому (и женскому) позднеантичной латыни, вероятно, тоже можно; ситуация с использованием рода в этой функции, характерная для старофранцузского и старопровансальского, может

³⁰ Можно допустить, что такая параллель все-таки есть в одном пассаже из т.н. *Actus Petri cum Simone*, «Деяний Петра в отношении Симона» (VHL 6656), изначально написанного по-гречески апокрифа II–III вв., сохранившегося в соответствующем месте только в латинском переводе, который в свою очередь датируют III–IV вв. (Zwierlein 2009: 37–39). Латинский перевод издают по единственной известной рукописи, но эту рукопись датируют VII в., так что текст достаточно надежен. Ср. *Actus Petri cum Simone* 21: *Oratione autem facta ab omnibus, refulsit triclinium in quo erant tamquam cum scoruscant, sed talis qualis solet in nubibus esse*. Р. А. Липсиус (Lipsius, Bonnet 1891: 68) в своем аппарате предлагал вставить в заключительной фразе подлежащее <fulgor>, но М. Дёлер в новейшем издании (Döhler 2018: 106) предпочитает сохранить рукописный текст, и возможно, что его следует понимать следующим образом: «Когда же все помолились, воссиял триклиний, в котором они были, как когда бьет молния, но [это было] таково (m/f), каково (m/f) обычно бывает среди туч» (ср. перевод Дёлер: ...aber so wie es in Wolken zu sein pflegt).

быть не инновацией, а общей для романских языков точкой отсчета. Для латыни это явление, по-видимому, не описано ни для поздней античности, ни для Средних веков, так что нет оснований считать, что это скорее внесенная позднейшими переписчиками «аномалия»; если она действительно есть в тексте, то она вполне может быть изначальным чтением³¹.

2.3. Родовые формы относительного местоимения

Отдельно следует сказать о родовых формах относительного местоимения, развитие которых шло особым путем, приведшим в романских языках к утрате оппозиции рода для соответствующих слов. В PSus есть несколько возможных примеров, связанных с этими изменениями, правда, не все они, вероятно, надежные.

Вытеснение форм женского рода относительного местоимения формами мужского рода (вероятно, постепенно развивающего романский статус «рода по умолчанию», см. предыдущий раздел) фиксируются уже в помпейских надписях и далее встречаются в эпиграфике и распространены, напр., в рукописях *Vetus Latina*, *Actus Petri cum Simone*, Григория Турского и «Эдикта Ротари»³²; в раннесредневековых текстах явление

---

³¹ Читатель может указать на сходство настоящего раздела с разделом 1.3 выше, где, однако, делается противоположный вывод: и там, и там речь о явлении, не зафиксированном или очень плохо зафиксированном в античности, но имеющем параллели в средневековых текстах, но появление формы на -e на месте аккузатива предлагается считать неправдоподобным для VI в., а согласование причастия с местоимением среднего рода по мужскому роду — скорее правдоподобным. Однако ситуации, я полагаю, все же принципиально различаются: в разделе 1.3 речь о локальном изменении морфологии, имеющем, судя по всему, достаточно конкретную датировку, в то время как здесь мы говорим об альтернативной (дополнительной по отношению к основной) возможности построения синтаксиса, о роли которой в переходе от классической латинской модели согласования прилагательных с местоимениями к современной романской у нас в принципе мало информации.

³² П. Ф. Моретти указывает (Moretti 2006: 97), что явление также характерно и для рукописей изданных ею «Страстей св. Анастасии» (BHL 410 + 1795 + 118 + 8093; сейчас этот текст обычно датируют V в.: Moretti 2006: 24–37, Lanéry 2010: 45, Lapidge 2018: 54), однако, в соответствии со своими представлениями о языке этого памятника, она в своем издании стандартизирует формы относительного местоимения в соответствующих местах. Возможно, имеет смысл вернуться

также известно (Rönsch 1869: 276, Bonnet 1890: 390–391, Sergievsky 1952: 117, B. Löfstedt 1961: 249, Väänänen 1981: 125, Stotz 1998: 130–131, Döhler 2018: 7, FEW 2.1465). В PSus есть несколько в разной степени вероятных примеров:

(20) (a) PSus 2 Audiens hoc Diocletianus de puella, quia et pulchritudine et sapientia esset formosa...

«Когда Диоклетиан услышал об этой девушке, что она замечательна и красотой, и мудростью...»

quia] quae DPW: qui et C^l: qui d: quod *mi*: quia *cett.*

(b) PSus 19 Quia sublimitas haec... temporalis esse cognoscitur; illa autem, quam nos praedicamus, sempiterna, innoxia detinetur et amabilis.

«Ибо эта возвышенная высота... временна; ты же, которую мы проповедуем, вечна, неподвержена ущербу и любезна».

quam] quem A (quaem *B^l*): quae *B^x*

(c) PSus 28 ...quae percussa intra domum suam emisit spiritum.

«...и, пораженная мечом у себя дома, она [т.е. Сусанна] испустила дух».

quae *D cett.*: qui ABC^l

В примере (20a) согласие рукописей обоих семейств на менее очевидном относительном местоимении, вероятно, указывает, что верным текстом является оно, а не принимаемая большинством рукописей семейства Ψ и Болландом банализация quia. Изначальное чтение рукописи *C* и чтение рукописи *d* при этом еще подразумевает применение формы qui к персонажу женского пола (Сусанне). Теоретически чтение могло сохраниться только в этих двух рукописях, хотя смущает, что при этом в тексте *C* присутствует еще лишнее et (отсутствие которого в близкородственной *C* рукописи *d* может быть результатом исправления того же текста): вероятно, скорее все же следует видеть в чтении qui et искажение неверно прочитанного варианта quia. В примерах (20b–c) аномальные чтения при этом, по-видимому, зафиксированы достаточно надежно.

к вопросу о том, корректны ли эти представления, хотя в целом аппарат Моретти производит впечатление сильно меньшей «густоты» неклассических черт, чем в PSus, можно допустить и то, что в V в. для агиографии Рима был характерен еще значительно более «правильный» язык.

В рукописях PSus есть также один случай обратной замены (форма женского рода вместо мужского):

(21) PSus 21 ...per quemdam amicum suum Thrasonem Christianissimum togatum, qui occulte assidebat publico, habens in corde suo cum reuerentia religionem Christianam, quem ante multos annos Caius Episcopus baptizauerat.

«...через некоего своего друга Трасона, христианнейшего знатного мужа, который, занимая государственную должность³³, тайно почитал в своем сердце христианскую веру и которого за много лет до того крестил епископ Гай».

quem *DP^c cett.*: quam *P^l*?

Если мы верно прочитываем форму женского рода в *P* и *P* при этом сохраняет изначальное чтение текста, вероятно, следует считать это случаем гиперкоррекции. Бонне (Bonnet 1890: 395) приводит несколько примеров употребления женского рода относительного местоимения вместо мужского из рукописей Григория Турского (недвусмысленные примеры есть только в текстах, самые старые рукописи которых относятся к каролингскому времени). Уверенным в том, что перед нами не какое-то внесенное в *Ф* или *P* искажение (напр., мотивированное родом непосредственно предшествующего местоимению выражения *religio Christiana*), быть сложно. Наконец, в одном месте в одной неплохо сохраняющей чтения гипархетипа *Ψ* рукописи фиксируется употребление формы среднего рода вместо женского:

---

³³ Формулировка *occulte assidebat publico, habens* не вполне понятна и может быть испорченным текстом; мой перевод основан на понимании ее как значащей *occulte, adsidens publico, habebat*, где *adsideo* = *operam do*, см.: TLL 2.878.54–61, а *publicum* = *populus*, см.: TLL 10.2.2.2466.48–53 (ср. также *Passio Marcelli*, BHL 5234, текст, датируемый Лapidжем и Ланери (Lapidge 2018: 390, Lanéry 2010: 223) первой половиной VI в., где тот же самый Трасон также является персонажем и характеризуется как *uir potens* «человек могущественный», *Pass. Marcell.* 2). Лapidж (Lapidge 2018: 281) переводит *occulte assidebat publico* как *secretly concerned himself with the public*, но тогда контекст будет требовать, чтобы слово *publicum* относилось конкретно к христианам, для чего, по-видимому, нет параллелей.

(22) PSus 19 [= (20b)] Quia sublimitas haec, quam uidemus, temporalis esse cognoscitur.

«Ибо эта возвышенная высота, которую мы видим, временна».
quam] quod A

Это также известное уже в позднеантичных текстах (особенно у Григория Турского) явление, и в романских языках общей формой для всех родов относительного местоимения (в функции подлежащего и прямого дополнения) в итоге, возможно, стала именно форма, восходящая к латинскому среднему роду (иногда ее возводят скорее к лат. *quem*, напр.: FEW 2.1465, но ср. в пользу этимологии от мн.ч. ср.р. *quae*: Väänänen 1981: 125, Stotz 1998: 132–133).

Заключение

В целом по рассмотренным параметрам текст PSus дает схожую картину с тем, что мы видели в связи с фонологией и орфографией. В ряде отношений он очень похож на близкие по времени тексты, сильно отклоняющиеся от классической латыни (и в т. ч., по-видимому, на другие образцы позднеантичной агиографии Италии, насколько можно судить при их нынешней крайне слабой текстологической изученности): сюда относятся ограниченно представленное замещение косвенных падежей предложными конструкциями, случаи смешения родовых форм относительного местоимения, широкое распространение неклассического рода у существительных, преимущественно в той или иной связи со средним родом; вероятно, сюда же можно отнести редко обсуждаемую ситуацию, когда словам среднего рода, перераспределенным в мужской, количественно не уступают (или даже преобладают над ними, как в случае PSus) слова среднего рода, перераспределенные в женский. К более необычным чертам относятся употребление аккузатива существительных в значении номинатива с пассивными глаголами и глаголом *sum* (для таких случаев все же вполне известны позднеантичные параллели) и особенно возможно присутствующее в тексте согласование прилагательных по мужскому роду при местоимениях среднего рода (хотя латинские параллели найти не удастся или почти не удастся, в контексте дальнейшего развития романских языков это явление в целом выглядит правдоподобно).

Литература

- Adams, J. N. 1976: *The Text and Language of a Vulgar Latin Chronicle (Anonymus Valesianus II)*. London.
- Adams, J. N. 1988: The Accusative Absolute. *Classical Review* 38, 300–303.
- Adams, J. N. 2013: *Social Variation and the Latin Language*. Cambridge.
- Alkire, T., Rosen, C. 2010: *Romance Languages: A Historical Introduction*. Cambridge.
- Barbato, M. 2010: Il principio di dissimilazione e il plurale di I classe (con excursus sul destino di tuus suus e sull'analogia). *Zeitschrift für romanische Philologie* 126, 39–70.
- Baronio, C. 1590: *Annales ecclesiastici...* T. II. Rome.
- Bischoff, B. 2014: *Katalog der festländischen Handschriften des neunten Jahrhunderts (mit Ausnahme der wisigothischen)*. T. III. Wiesbaden.
- Blaise, A. 1962: *Dictionnaire latin-français des auteurs chrétiens*. Turnhout
- Bolland, J. 1658: Acta antiqua [comitum S. Susannae], quae pars actorum S. Susannae V.M. In: Bolland, J., Henskens, G. (eds.) *Acta Sanctorum. Februarius*. T. III. Antwerp, 61–64.
- Bonnet, M. 1890: *Le latin de Grégoire de Tours*. Paris.
- Bourciez, E. 1952: *Osnovy romanskogo yazykoznanija [Elements of Romance Linguistics]*. Moscow.
- Бурсье, Э. 1952: *Основы романского языкознания*. Пер. Т. В. и Е. В. Вентцель. М.
- Chiesa, P. 2013: Passio Quirini. In: Colombi, E. (ed.) *Le passioni dei martiri aquileiesi e istriani*. Vol. II*. Rome, 499–588.
- Coleman, R. 1999: Vulgarism and Normalization in the Text of Regula Sancti Benedicti. In: Petersmann, H., Kettemann, R. (eds.) *Latin vulgaire – latin tardif V*. Heidelberg, 345–356.
- Corbett, G. G. 1991: *Gender*. Cambridge.
- Coseriu, E. 2008: *Lateinisch und Romanisch. Vorlesungen und Abhandlungen zum sogenannten Vulgärlatein und zur Entstehung der romanischen Sprachen*. Tübingen.
- Cuypers, W. 1735: Acta [S. Susannae] ex auctore anonymo. In: Du Sollier, J.-B., Pien, J., Cuypers, W., van der Bosch, P. (eds.) *Acta Sanctorum Augusti. T. II*. Antwerp, 631–632.
- Delehaye, H. 1910: Passio SS. Quattuor Coronatorum auctore Porphyrio. In: De Smedt, C., Van Ortrooy, F., Delehaye, H., Poncelet, A., Peeters, P. (eds.) *Acta Sanctorum Novembris*. T. III. Brussels, 765–779.
- Delehaye, H. 1936: *Étude sur le légendier romain: Les saints de novembre et de décembre*. Brussels.
- DiBiasie Sammons, J. 2019: Public in Private: The Distribution and Content of Graffiti in Pompeian domus and hospitia. In: Noreña, C.

- F., Papazarkadas, N. (eds.) *From Document to History: Epigraphic Insights into the Greco-Roman World*. Leiden; Boston, 197–218.
- Döhler, M. 2018: *Acta Petri: Text, Übersetzung und Kommentar zu den Actus Vercellensis*. Berlin; Boston.
- Dolbeau, F. 1975: Notes sur deux collections hagiographiques conservées à Bibliothèque Vaticane. *Mélanges de l'école française de Rome. Antiquité* 87, 397–424.
- Dolbeau, F. 1984: Le légendier de Sainte-Cécile-au-Trastévère retrouvé au Cap (République Sud-Africaine). *Analecta Bollandiana* 102, 302.
- Duchesne, L. 1916: Les légendes de l'Alta semita. *Mélanges de l'école française de Rome* 36, 27–56.
- Faraoni, V. 2014: La formazione del plurale italo-romanzo nella documentazione notarile altomedievale. In: Molinelli, P., Cuzzolin, P., Fedriani, C. (eds.) *Latin vulgaire – latin tardif X*. Bergamo, 1.99–117.
- Farlati, D. 1753: *Illyrici sacri tomus secundus*. Venice.
- Formentin, V. 1994: Tracce di una flessione accusativo-ablativo e altri arcaismi morfologici in un antico testo meridionale (Cod. Cass. 629). *L'Italia dialettale* 57, 99–117.
- Galdi, G. 2017: Zum sogenannten Nominativus Absolutus im Lateinischen: Neue Auslegungen zu einem alten Problem. *Symbolae Osloenses* 91, 28–80.
- Guyon, J. 1975: Les Quatre Couronnés et leur culte des origines au IXe siècle. *Mélanges de l'école française de Rome. Antiquité* 87, 505–561.
- Helttula, A. 1987: *Studies on the Latin Accusative Absolute*. Helsinki.
- Hofmann, J. B., Szantyr, A. 1972: *Lateinische Syntax und Stilistik*. Munich.
- Jensen, F. 1986: *The Syntax of Medieval Occitan*. Tübingen.
- Jensen, F. 1990: *Old French and Comparative Gallo-Romance Syntax*. Tübingen.
- Lampitelli, N. 2014: The Romance Plural Isogloss and Linguistic Change: A Comparative Study of Romance Nouns. *Lingua* 140, 158–179.
- Lanéry, C. 2010: Hagiographie d'Italie (300–550). I. Les passions latines composées en Italie. In: Philippart, G. (ed.) *Hagiographies. Vol. V*. Turnhout, 15–369.
- Lapidge, M. 2018: *Roman Martyrs: Introduction, Translations, and Commentary*. Oxford.
- Lipsius, R. A., Bonnet, M. 1891: *Acta apostolorum apocrypha*. Pars 1. Leipzig.
- Löfstedt, E. 1956: *Syntactica: Studien und Beiträge zur historischen Syntax des Lateins*. Lund.
- Löfstedt, B. 1961: *Studien über die Sprache der langobardischen Gesetze: Beiträge zur frühmittelalterlichen Latinität*. Stockholm; Göteborg; Uppsala.
- Loporcaro, M. 2018: *Gender from Latin to Romance: History, Geography, Typology*. Oxford.

- Loporcaro, M., Paciaroni, T. 2016: The Dialects of Central Italy. In: Ledgeway, A., Maiden, M., eds. *The Oxford Guide to the Romance Languages*. Oxford, 228–245.
- Maiden, M. 1996: On the Romance Inflectional Endings -i and -e. *Romance Philology* 50, 147–182.
- Meloni, S. 2012: Monumentum quod videtur fuisse familiae liberorum Neronis Drusi. Un capitoletto di CIL, VI da riconsiderare. *Archeologia classica* 63, 593–617.
- Meyer-Lübke, W. 1890–1906: *Grammaire des langues romanes*. Paris.
- Migliorini, B. 2019: *Storia della lingua italiana*. Florence; Milan.
- Mombrizio, B. 1910: *Sanctuarium, seu Vitae Sanctorum*. Nouam hanc editionem curauerunt duo monachi Solesmenses. Paris.
- Moretti, P. F. 2006: *La Passio Anastasiae: Introduzione, testo critico, traduzione*. Rome.
- Norberg, D. 1943: *Syntaktische Forschungen auf dem Gebiete des Spätlateins und des frühen Mittellateins*. Uppsala; Leipzig.
- Nunes, J. J. 1975: *Compêndio de gramática histórica portuguesa*. Lisbon.
- Önnerfors, A. 1975: *Physica Plinii Bambergensis (Cod. Bamb. med. 2, fol. 93v–232r)*. Hildesheim; New York.
- Polinsky, M., Van Everbroeck, E. 2003: Development of Gender Classifications: Modeling the Historical Change from Latin to French. *Language* 79, 356–390.
- Rohlf, G. 1966–1969: *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti*. Torino.
- Rönsch, H. 1869: *Itala und Vulgata. Das Sprachidiom der urchristlichen Itala und der katholischen Vulgata unter Berücksichtigung der römischen Volkssprache durch Beispiele erläutert*. Marburg; Leipzig.
- Rubattu, A. 2006: *Dizionario universale della lingua di Sardegna*. Sassari.
- Salvi, G. 2011: Morphosyntactic persistence. In: Maiden, M., Smith, J. C., Ledgeway, A. (eds.) *The Cambridge History of the Romance Languages. Vol. I: Structures*. Cambridge, 318–381.
- Sauer, L. 1573: *De probatis sanctorum historiis...* T. IV. Cologne.
- Sergievsky, M. V. 1952: *Vvedenie v romanskoe yazykoznanie [Introduction to Romance Linguistics]*. Moscow.
- Сергиевский, М. В. 1952: *Введение в романское языкознание*. М.
- Shumilin, M. V. 2019: [Passio Susannae (BHL 7937) as a Linguistic Document: Towards the Dating of the Versions of the Text]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology [Indoevropskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya]* 23, 1150–1175.
- Шумилин, М. В. 2019: «Страсти св. Сусанны» (BHL 7937) как языковой памятник: к датировке версий текста. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 1150–1175.
- Shumilin, M. V. 2020a: [Linguistic Peculiarities in the *Passio Susannae* (BHL 7937). Phonology and Orthography]. *Indo-European*

- Linguistics and Classical Philology [Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya]* 24, 632–661.
- Шумилин, М. В. 2020а: Особенности языка «Страстей св. Сусанны» (BHL 7937). Фонология и орфография. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24, 632–661.
- Shumilin, M. V. 2020b: [Error vs Variant: The “New Philology”, Latin Studies, and the “Bad Language”]. *Vox medii aevi* 1–2 (6–7), 28–75.
- Шумилин, М. В. 2020б: Ошибка против варианта: «новая филология», латинистика и «плохой язык». *Vox medii aevi* 1–2 (6–7), 28–75.
- Souter, A. 1949: *A Glossary of Later Latin to 600 A.D.* Oxford.
- Steyn, C. 2002: *The Medieval and Renaissance Manuscripts in the Grey Collection of the National Library of South Africa, Cape Town*. Vol. 2. Salzburg.
- Stotz, P. 1998: *Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Bd. 4: Formenlehre, Syntax und Stilistik*. Munich.
- Supino Martini, P. 1987: *Roma e l'area grafica romanesca (s. X–XIII)*. Alessandria.
- Tekavčić, P. 1979: *Grammatica storica dell'italiano*. Bologna.
- Väänänen, V. 1981: *Introduction au latin vulgaire*. Paris.
- Velázquez Soriano, I. 2004: *Las pizarras visigodas (Entre el latín y su disgregación. La lengua hablada en Hispania, siglos VI–VIII)*. Burgos.
- Vircillo Franklin, C. 2001: Roman Hagiography and Roman Legendaries. In: *Roma nell'alto medioevo*. Spoleto, 857–891.
- Vircillo Franklin, C. 2004: *The Latin Dossier of Anastasius the Persian: Hagiographic Translations and Transformations*. Toronto.
- Zamboni, A. 2000: *Alle origini dell'italiano. Dinamiche e tipologie della transizione dal latino*. Rome.
- Zwierlein, O. 2009: *Petrus in Rom. Die literarischen Zeugnisse: Mit einer kritischen Edition der Martyrien des Petrus und Paulus auf neuer handschriftlicher Auflage*. Berlin; New York.